

ЛОВУШКА

Глен
Марсо

Глен Марсо

Ловушка

«Автор»

2026

Марсо Г.

Ловушка / Г. Марсо — «Автор», 2026

2184 год. Земля на грани экологического и ресурсного коллапса. Отправляя экспедицию к экзопланете TrES-2b, человечество верит, что нашло новый Эдем. Но идеальная атмосфера и притягательное серебристо-голубое свечение оказываются не тем, чем казались. Планета-невидимка поглощает любой свет, а её истинная природа не укладывается в рамки привычных научных концепций землян. Планету интересуют не корпуса кораблей, а разум экипажа. «Ловушка TrES-2b» — напряжённая научно-фантастическая новелла, исследующая границы человеческой воли, этику сохранения сознания во Вселенной. История о том, как надежда становится испытанием, свет — оружием, а будущее - шокирующим.

© Марсо Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ловушка

Глава

ЛОВУШКА TRES-2B

Научно-фантастическая новелла. Книга первая

Глава I. Зов Сирены

2184 год. Земля напоминала старый корабль, наскочивший на мель посреди штормящего океана. Ресурсы иссякали, экология захлёбывалась, а человечество, обраставшее проблемами как ржавчиной, лихорадочно искало выход, всё пристальнее вглядываясь в пределы дальнего космоса. Надежда пришла оттуда, откуда не ждали — из созвездия Лебеда, на расстоянии семи с половиной сотен световых лет.

Телескопы глубокого космоса поймали сигнал. Экзопланета TrES-2b. Данные поражали воображение: гравитация, состав атмосферы, температурный режим — всё было не просто пригодным для жизни. Всё казалось идеальным. Лучше Земли. Лучше любой мечты колонизатора.

Но главным аргументом стал цвет. Аура планеты светилась серебристо-голубым, с лёгкими изумрудными переливами. Не просто свечение газов — визуальная гармония, цепляющая самые глубокие струны человеческой психики. Для доктора Елены Соловей, например, потерявшей брата в ходе провального проекта терраформирования Марса, этот оттенок стал личным обещанием: возможно, Вселенная всё же способна на милость. Такая цветовая гамма вселяла надежду.

Всемирный Совет по развитию цивилизации не колебался ни секунды. Бюджет проекта стремился к бесконечности. В космос отправлялась тяжёлая экспедиционная группа.

Девять кораблей дальнего следования выстроились в линию варп-прыжка. Во главе — флагман «Аргонио». За ним — технический носитель «Гефест», единственный корабль, способный творить чудеса: ремонтировать невозможное, генерировать энергию из звёздного ветра и хранить самое ценное — жизни. Его крио-отсек «Лазарет» был оснащён прототипами консервации сознания. Остальные семь составляли плотный эскорт.

На мостике «Аргонио» собрались не просто люди — живые легенды. Во главе — командор Алекс Град. Человек, прошедший «Войну Поясов» и потерявший всё, кроме воли и страсти к комическим путешествиям. Его взгляд — холодный скальпель, но за ним скрывалась боль человека, желающего искупить прошлое будущим.

Корабль во главе эскадры вышел на орбиту цели. Планета висела в черноте, как драгоценный камень.

— Вы видели спектр, Алекс? — доктор Елена Соловей прижалась ладонью к холодному стеклу иллюминатора. Её голос дрожал от возбуждения. — Азот, кислород, следы органики... Это не просто жизнь. Это сад. Настоящий Эдем в Лебеде.

Алекс не отрывал глаз от тактической карты, где зелёные маркеры мигали в ритме спокойствия.

— Эдемы редко встречаются в глубоком космосе, Елена. Обычно там, где слишком красиво, кто-то уже убрал хищников. Или сам является хищником.

— Датчики «Гермеса» чисты. Радиация в норме. Гравитация... идеальна. — Соловей повернулась к нему, и в её глазах отражалось сияние планеты внизу. — Вы слишком много воевали, чтобы позволить себе просто поверить в чудо?

— Я слишком много воевал, чтобы знать: чудо не бывает бесплатным. — Алекс наконец поднял взгляд и повернулся к центральной консоли. — Вергилий. Вероятность скрытой аномалии?

Голос искусственного интеллекта прозвучал ровно, без тембра, но с пугающей интонацией сомнения: — Статистическая вероятность — 0,04%. Однако, командор, мои сенсоры фиксируют микроскопические искажения в атмосфере. Словно свет... преломляется неестественным образом.

— Неестественным для физики или для глаза?

— Для логики. Планета слишком красива, чтобы быть реальной. Это как идеально отретушированное фото.

Алекс тихо произнёс, скорее себе, чем экипажу: — Фото... Да. Но мы уже в рамке. Хорошо бы — не в траурной... Он выпрямился, и момент сомнения исчез, сменившись привычной сталью командира. — Готовьте десант. Но боеготовность — уровень «Красный». Если это ловушка, захлопнется она быстро.

Они летели на свет. Они считали себя хозяевами пространства. Они ошибались.

Глава II. Альbedo

Высадка прошла без сопротивления. Воздух сладок, почва податлива. Сорок восемь часов спустя в журналах экспедиции это будет названо предпосылкой к катастрофе. Сейчас это называли просто удачей.

Учёные брали пробы. Инженеры разворачивали маяки на серебристом грунте, который под ботинками отдавал тёплой пружинистой упругостью — будто планета сама подстраивалась под шаг человека. Пилоты гоняли двигатели на холостом ходу, привычно, для проверки, без надежды обнаружить какую-то неисправность. Всё работало идеально. TrES-2b лежала перед ними как обещание, которое наконец решили выполнить: небо — нежно-серебряное, без единой тучи, свет — рассеянный, мягкий, ничего общего с резкими тенями земного полдня.

Командор Алекс Град смотрел на это с мостика «Аргонио» и думал, что впервые за шесть лет службы видит планету, которая не пытается убить его сразу.

Он ошибался ровно сорок восемь часов.

Дымка ушла не постепенно. Она ушла так, как уходит фокус в оптическом приборе — рывком, в одну секунду превращая ясность в смазанное пятно. Серебро на горизонте свернулось внутрь себя, как сворачивается молоко. Небо не потемнело — оно попросту исчезло, будто его выключили вместе со звёздами, которые оно до этого скрывало.

— Командор, визуальный контакт потерян, — голос Кросса прорвался на мостик сквозь шипение статики, и в этом шипении было больше тревоги, чем в словах. — Фонари шлемов... они горят, я вижу нить накаливания, но света нет. Будто он выходит из лампы и сразу куда-то девается.

— Девается куда, Маркус?

— Не знаю. Просто не возвращается. Как в воду — только без воды.

Алекс вызвал орбитальные данные. Цифра, которая выскочила на экран, была настолько абсурдной, что он перепроверил её сам, вручную, не доверяя автоматике: альбедо TrES-2b упало с обманчивых сорока процентов до менее чем единицы. Планета не отражала свет. Она его забирала.

— Кира, что у тебя на орбите?

Голос Вэнс пришёл с задержкой и помехами, как будто она говорила со дна колодца.

— «Аргонио», сканеры слепнут один за другим. Я не вижу поверхность. Я не вижу собственный флот целиком — только то, что внутри пятисот метров. Дальше — провал. Не темнота, командор. Темнота — это отсутствие света, а здесь свет куда-то уходит.

— Высота орбиты?

— Держится. Пока держится. Но... — пауза, в которой Алекс почти услышал, как Вэнс делает глубокий вдох. — Гравитационные якоря показывают аномалию. Нас тянет вниз сильнее, чем должно тянуть по массе планеты. Будто масса считается не от центра, а откуда-то ещё ближе. Будто кто-то снизу схватился за нас рукой.

На поверхности у Кросса началась паника, которую он сдерживал лучше, чем мог себе позволить признать. Тепловизоры показывали плюс двадцать по приборам и абсолютный холод по ощущениям кожи — две правды, не совпадающие друг с другом, и человеческий разум плохо справляется с такими развилками.

— Командор, периметр движется.

— Уточни «движется».

— Грунт. Серебристый грунт, на котором мы стоим третьи сутки. Он не движется как живое существо — он движется как... — Кросс замолчал, подбирая слово, которого не было в его подготовке. — Как кожа, когда под ней что-то проходит.

Алекс отдал приказ на отход без раздумий — есть решения, для которых раздумья — непозволительная роскошь. Группа Кросса начала сворачивать оборудование, и в этот момент

серебро под их ногами стало чёрным — не постепенно, не пятнами, а целиком, одним движением, как переворачивается страница.

То, что отделилось от грунта, не было ни существом, ни механизмом в привычном смысле. Тени поднимались не из земли — они были землёй, просто землёй, принявшей вертикальное положение. Призраки, миражи, фата-морганы, протуберанцы — подходящий лексикон, хотя и не отражающий, возможно, сути. Кросс позже, в рапорте, напишет: «Я не видел нападения. Я видел, как ландшафт меняет мнение о нас». Эта фраза покажется начальству неуместно литературной, и он её вычеркнет. Но в тот момент она была единственной правдой, которую он мог зафиксировать.

— Огонь? — спросил он по связи, и в этом вопросе впервые за карьеру прозвучало не «куда стрелять», а «зачем».

— Отход, Маркус. Не геройствуй. Поднимайтесь.

Шаттл оторвался от поверхности в последнюю разрешённую секунду — TrES-2b будто нехотя позволила им это, как сытый кот, который отпускает мышку для возбуждения аппетита.

На орбите ждать оказалось не легче. «Аргонио» вздрогнул — не от удара, а от чего-то, что Торн в машинном отделении назвал «изменением собственной массы корабля без изменения структуры». Гравитационные якоря, которые должны были удерживать варп-выходы открытыми, начали закрываться сами, без команды, как зрачок на ярком свете.

— Это не оружие, — сказал Торн в эфир, и в его механическом голосе было что-то похожее на удивление, редкое для человека, треть тела которого состояла из протезов. — Командор, это не атакует нас. Это нас взвешивает.

Алекс посмотрел на голограмму системы, где девять кораблей эскадры медленно, неотвратно смещались на более низкую орбиту — не по баллистике, а будто их втягивало в раскрывшуюся внизу впадину, контуры которой на сканерах не складывались ни в кратер, ни в разлом, ни в одну из известных геологических форм.

— Взвешивает, — повторил он. — Для чего, по-твоему, взвешивают, Торн?

Ответа не было. Только гул реакторов, переходящих на повышенную нагрузку, и тихий, почти спокойный голос Вэнс с орбитального модуля: — Командор, мне нужно решение. У нас есть, может быть, час, прежде чем нас затянет ниже точки возврата.

Алекс молчал три секунды — непозволительно долго для командора, но достаточно мало для человека.

— Готовьте эскадру к бою, — сказал он наконец. — Не потому, что я знаю, с кем мы воюем. А потому, что выбора нам, кажется, не оставили.

В медицинском отсеке «Аргонио», далёко от всех этих решений, доктор Виктор Грей в этот момент просматривал биометрию группы Кросса, вернувшейся с поверхности, и заметил то, на что не обратил внимания никто другой: у всех шести членов группы синхронно, в одну

и ту же секунду, дрогнули показатели гипоталамуса — так, как если бы их одновременно о чём-то спросили.

Он не сказал об этом командору. Не потому, что счёл это неважным.

А потому, что не нашёл, как сформулировать вопрос, который, кажется, был задан не словами.

Глава III. Раскрытие

Эскадра падала туда, где у обычной планеты по аналогичным параметрам должен был быть кратер, а у TrES-2b была пропасть без геологического смысла — провал, который сканеры отказывались укладывать в привычные формы рельефа. Падение было медленным, почти вежливым: не рывок, а убывание, как уходит вода из ванны, когда вынимают пробку. Эскадру затягивало в гигантскую воронку, и с каждым кругом диаметр воронки сужался, а скорость обращения кораблей и их погружения возрастала.

— Двигатели на полную, — приказал Град. — Если не можем подняться, держим высоту.

«Аргонио» дрогнул всем корпусом, реакторы взвыли на пределе допустимого, и высота на голограмме застыла — не выросла, просто перестала падать. Маленькая победа, оплаченная расходом топлива, которого хватит на часы, а не на дни.

И тут из провала поднялись щупальца.

Кросс, наблюдавший за этим с поверхностной камеры одного из уцелевших дронов, назвал их позже «корнями, растущими в обратную сторону». Они не выползали — они вытягивались, как тянется к свету растение, только тянулись они к кораблям, и в их движении не было ни злобы, ни торопливости. Они тянулись так, как тянется рука, которая уже знает, что найдёт то, что ищет.

Первое щупальце коснулось обшивки «Медеи» без удара — почти нежно, по крайней мере на экранах это выглядело именно так. Через четыре секунды борт «Медеи» начал расходиться по сварным швам, будто кто-то снаружи аккуратно отворачивал крышку консервной банки, не разрывая металл, а убеждая его разойтись.

— Они вскрывают корпус, — доложила Вэнс, и голос её был неестественно ровным, тем особым спокойствием, которое наступает, когда ужас перестаёт помещаться в обычные интонации. — Не пробивают, не режут, не взрывают. Открывают. Корабль как бутон раскрывает лепестки.

— По щупальцам — огонь, — приказал Град.

Залп прошёл сквозь одно из них насквозь, оставив дымящуюся прорезь, которая закрылась за две секунды — не затянулась, как рана, а просто перестала существовать как повреждение, словно ткань щупальца забыла о том, что её прорезали, пронзили.

— Регенерация почти мгновенная, — отозвался Торн с «Варяга». — Командор, обычное вооружение здесь — фантомные боли. Мы делаем вид, что причиняем ущерб.

— У тебя есть предложение получше?

— У меня есть отчаянное предложение. Реактор «Варяга» можно вывести в перегрузку и направить выброс прямо в место, где щупальца выходят из грунта. Это не оружие против них. Это просто очень много энергии в одной точке.

Волков посмотрел на тактическую карту, где «Медей» уже потеряла герметичность трёх отсеков, а к «Ориону» тянулось второе щупальце — медленно, неотвратно, с той же пугающей неторопливостью.

— Шанс?

— Что выживем — небольшой. Что это хоть на что-то повлияет — не знаю. Но молчать дальше — это просто более медленный способ умереть.

Пауза, в которую вписалось всё, что командор не сказал вслух.

— Делай.

Торн отключил предохранители тем же спокойным щелчком, что и в прошлый раз — спокойствие человека, для которого решение уже принято где-то раньше, чем прозвучал приказ. — Координаты передаю на «Аргонию». Уводите эскадру в сторону на сто двадцать секунд, дальше я не отвечаю за радиус.

Доктор Грей в этот момент находился не на мостике и не в реакторном отсеке. Он сидел в медицинском блоке перед мониторами, на которые выводилась биометрия всего экипажа сразу — стандартная процедура при боевой тревоге, которую обычно никто внимательно не читает. Грей читал внимательно, потому что заметил то же самое, что и сорок восемь часов назад на поверхности: показатели гипоталамуса у всего экипажа «Медей» — у всех, кто ещё оставался жив на тонущем корабле, — снова дрогнули синхронно, в ту самую секунду, когда щупальце коснулось обшивки. Не от страха. Страх даёт другой рисунок на кривой. Это было похоже на считывание, узнавание.

Он попытался сформулировать это в рапорте для Волкова и не успел — взрыв «Варяга» залил все экраны белым.

Вспышка дала не световой эффект, а буквальный выброс энергии реактора, направленный точно в основание щупалец, туда, где они срастались с телом планеты. На долю секунды весь провал осветился — не отражённым светом, потому что TrES-2b всё ещё не отражала ничего, а собственным сиянием реакции, прожигающей плоть, для которой металл и вакуум были такими же чужими понятиями, как для человека — вакуум собственных лёгких.

Щупальца дёрнулись. Все одновременно, у всех трёх кораблей, которые они держали, — единым движением, как отдёргивается палец от огня.

И в этот момент, прежде чем щупальца снова сомкнулись и потянули «Орион» вниз окончательно, прежде чем гибель «Варяга» стала фактом, а не вероятностью, прежде чем уцелевшие корабли эскадры рванулись прочь, выигрывая те самые сто двадцать секунд, — в этот

момент Грей увидел на мониторе нечто, чего не было ни в одном протоколе боевой биометрии. Кривая гипоталамуса дрогнула снова, но иначе. Не узнавание, не считывание. Что-то ближе к тому, что фиксируют приборы у человека, которого внезапно и без предупреждения окликнули по имени.

Он не знал, чьё имя было произнесено.

Он знал только, что вспышка реактора, убившая Торна и весь экипаж «Варяга», была первым актом, на который планета ответила не хваткой, а паузой.

«Аргонию» и уцелевшие корабли вырвались из провала на пределе двигателей, оставляя позади два разрушенных корпуса и один — намеренно принесённый в жертву. Высота начала расти. Гравитационные якоря, до этого державшие варп-выходы взаперти, на несколько секунд ослабли — не отключились, просто ослабли, как ослабевает хватка не от боли, а от удивления.

Град смотрел на тактическую карту, где зелёные маркеры выживших медленно отдалялись от чёрного провала, и думал не о победе. Победы не было. Было что-то другое — то, что не укладывалось ни в боевой устав, ни в его шестилетний опыт.

— Доктор Грей, — сказал он в эфир, не отрывая взгляда от экрана. — У меня странное наблюдение. Когда мы стреляли по щупальцам — она нас атаковала. Когда мы её жгли — она остановилась, хотя значительно сильнее любого нашего действия и ожог не представляет серьёзной опасности для неё.

— Я заметил то же самое, командор, — голос Грея был тихим, как у человека, который только сейчас понял, что боится не того, что предполагал. — И мне нужно с вами поговорить. Не о тактике.

— О чём?

— О том, что мы, кажется, не сражаемся с хищником.

Он сделал паузу, достаточно долгую, чтобы Град успел понять — следующая фраза будет неудобной.

— Мы, кажется, только что ей что-то сказали. И она, похоже, услышала.

Глава IV. Эхо

Эскадра отошла на безопасную орбиту — туда, где гравитация TrES-2b превращалась в обычную физику, предсказуемую и равнодушную. Три корабля из девяти остались позади, во впадине, которая после вспышки реактора закрылась — не визуально, потому что видеть там было нечего, а по всем показаниям сканеров: провал, ещё час назад тянувший к себе массу целой эскадры, теперь читался как обычный участок поверхности. Спокойный. Молчаливый.

«Аргонию» лёг в дрейф, экономя то небольшое топливо, что осталось. На мостике Град слушал доклады, которые звучали как опись потерь, а не как сводка боя: «Медая» — полная потеря герметичности, экипаж двадцать два человека, выживших нет. «Орион» — частичная

разгерметизация, найдена одна спасательная капсула, отстрелившаяся в последние секунды перед окончательным захватом. «Варяг» — потерян целиком, по плану, согласно приказу.

Согласно приказу. Град повторил эти слова себе несколько раз, проверяя, не ёкнет ли что-то внутри от повторения. Не ёкнуло. Это его и беспокоило.

Капсулу с «Ориона» подняли на борт через час. Внутри оказалась одна женщина — доктор Елена Соловей, по штатному расписанию экспедиции лейтенант контактной группы, без серьёзных физических повреждений, в сознании, но с тем взглядом, который Грей видел у людей, переживших не опасность, а откровение, которое они не просили.

— Расскажите, что видели, Елена — попросил он мягко, без протокольной сухости.

— Я видела, как щупальце вошло в третий отсек, — сказала она ровным голосом, который держался на чистом усилии воли. — Не пробило. Раздвинуло переборку, как раздвигают занавес. И там, где оно касалось людей... — она замолчала, подбирая не слово, а разрешение себе это слово произнести. — Оно не разрывало их. Оно их трогало. Долго. Внимательно. Как будто хотело понять форму, прежде чем решить, что с ней делать.

— Вы боитесь, что это было хуже, чем просто убийство.

— Я боюсь, что не знаю, было ли это убийством вообще, — она подняла глаза на Грея, и в них была не истерика, а нечто более тяжёлое: пересмотр всего, во что она верила до этой высадки. — Я готовилась к контакту шесть лет, доктор. Меня учили, что разум, если он разум, ищет понимания раньше насилия. Я не знаю теперь, было ли то, что случилось с «Орионом», насилием — или непониманием с её стороны. Это две разные вещи. И обе одинаково стоили двадцати двух жизней.

Грей не нашёл, что ей ответить, и не стал придумывать утешение, которого у него не было. Он просто кивнул и пошёл с её показаниями к Граду.

— У меня есть гипотеза, — сказал он командору час позже, в его каюте, где карта системы продолжала висеть над столом немим укором. — Хотите услышать, даже если она вам не понравится?

— Я давно не жду, чтобы мне что-то нравилось.

— Альбедо планеты — меньше одного процента. Это значит не - «она тёмная». Это значит — она не отражает свет вообще. Ни капли. Все фотоны, которые в неё попадают, остаются там навсегда. Это противоестественно для геологии, но абсолютно естественно для глаза.

— Глаза?

— Для органа, который устроен только принимать, а не отбрасывать. Наши фонари там не тонули в темноте, командор. Они тонули в зрачке.

Град молчал, обдумывая сказанное с той же тяжестью, с какой обдумывал приказ Торну.

— Ты хочешь сказать, что она нас видела всё это время. И мы были там единственными, кто ничего не видел в ответ.

— Я хочу сказать больше. У слепого с рождения человека нет понятия «видеть» в нашем смысле — но есть руки. Если слепой хочет узнать, кто перед ним, он трогает лицо. Долго. Внимательно. Иногда — слишком сильно, потому что не понимает, где граница чужой боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.